

«Как я думал о тебе, Уолт Уитмен!» — восклицает А. Гинсберг в стихотворении «Супермаркет в Калифорнии». Чувствуется в его произведениях влияние этого титана демократической поэзии. Традиция У. Уитмена жива и в стихах других участников антологии, для которых он остается, по словам того же А. Гинсберга, «дорогим отцом, старым седобородым одиноким учителем мужества».

Но наряду с пафосом мужественного принятия всей сложности мира звучат у современных поэтов — и довольно часто — ноты упадничества и разочарованности.

«Нет бога, кроме Бога? Нет бога, кроме Смерти», — заявляет горестно третий «битник», Лоуренс Ферлингетти.

Презрение к практицизму отцов, ирония по отношению к бизнесу сильнее всего выражены в стихотворении «Американский примитив» У. Дж. Смита: «Взгляните на его старомодный шапокляк, ботинки на шнурках и деревенский гонор. Только мой папа выглядит так, а я люблю папу, как он любит свой доллар».

И у Денизы Левертов¹ то же неприятие подобного практицизма и одномерности, а голос у нее особый, неповторимый, его не спутаешь ни с одним голосом в этом хоре.

Практицизм и «бунтарство», «битнический» нигилизм, крайний острый индивидуализм и жизнь демократических «толп», упоение сверхцивилизацией и утомление от техницизма и, как результат этого, стремление к природе, возвращение к «естественному» — все это находит отражение в том причудливом многоголосье, которое и представляет собой антология, объединившая пятьдесят поэтов. Устами Аллена Гинсберга поэты эти как бы вопрошают:

Куда, Америка, куда
ты мчишься в своем роскошном
автомобиле, кренящемся
на поворотах шоссе, —
к какой катастрофе
в глубоком каньоне
Скалистых гор,
к какому закату солнца
над Золотыми Воротами,
к какому безумному городу,
скачущему под джаз
у Тихого океана?

(«После чтения «Мертвых душ», перевод
А. Сергеева)

Надо отметить, что переводчики книги столкнулись с особыми трудностями: чрезмерное и бесконтрольное увлечение свободным стихом, присущее многим поэтам США, грозит потерей собственно стиха. Прозаизация начинает подчас переходить просто-напросто в газетную прозу, слабо очерченные границы стиха совсем размываются. «Отпущенные вожжи», полное отсутствие необходимой технической трудности заставляют задуматься: не этим ли вызвано усиливающееся равнодушие американского читателя к стихам?

Однако в целом сборник получился интересным, он дает представление о современной поэзии Америки, о ее поэтических

школах, о поисках и открытиях, но хочется надеяться, что за ним последует издание более широкого характера, которое вберет в себя лучшие образцы американской поэзии за двести лет ее существования.

Переводы стихов, знакомство с поэзией прошлого и настоящего помогают поэтам разных наций понять друг друга и еще действенней участвовать в мировом литературном процессе. Мне довелось встречаться с Робертом Фростом, Алленом Гинсбергом, Грегори Корсо, Денизой Левертов. Личное общение с поэтом много дает для понимания особенностей его творчества. Но сборники, подобные антологии «Современная американская поэзия», открывают поэтический мир другой страны самому широкому читателю. Такие книги делают великое дело, сближая культуры, помогая разрядке международной напряженности и взаимопониманию наций на нашей беспокойной и чреватой катастрофами планете.

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

Издано
за рубежом

ПОЭЗИЯ УВЕРЕННОСТИ

Ivan Skála. Co si беру na cestu. Praha, Československý spisovatel, 1975.

«**У** то беру с собой в дорогу» — так называется новый сборник стихов известного чешского поэта Ивана Скалы, удостоенный Государственной премии имени Клемента Готвальда. Это книга о том, что дорого автору в жизни, о тех жизненных ценностях, которые не тускнеют с годами и которым он хочет остаться верным на своем дальнейшем пути. Это книга о богатстве и вместе с тем о сложности бытия, о мудрости опыта, о проблеме цельности человеческой личности и верности самому себе. К размышлениям на такие темы побуждает и зрелый возраст поэта, испытывающего потребность оглянуться на прожитое и пережитое, когда уже столько дорог «пройдено глазами и сердцем».

Осмысление пройденного пути вообще характерно для литературы Чехословакии последних лет. Нельзя не вспомнить, например, мемуарно-биографических произведений Йозефа Рыбака «Волшебный прутьик»

СРЕДИ КНИГ

¹ В этом номере публикуются отрывки из книги Д. Левертов «Поэт и мир».

(1962)¹ и Андрея Плавки «Влюбленный в жизнь» (1971)², авторы которых как бы разматывают клубок лет и событий, воспроизводя и собственную жизнь, и поступь истории. Это своего рода книги об уроках жизни.

Лирика И. Скалы разнообразна. Его волнуют как большие исторические события, меняющие судьбы народов, так и «впечатления бытия» в повседневном потоке будней. В книге есть стихи и о природе. Поэт умеет передать и ощущение душного ночного предгрозя, когда тьма наваливается, словно «бычья туша»; и трепет зеленых овсов, мерцающих под дождем, как разостланные рыбацкие сети; и очарование солнечного утра. Многие стихотворения навеяны воспоминаниями детства, далекого, невозвратимого и повторяющегося в жизни других детей. И вместе с тем Скала особенно чуток к «высокому напряжению эпохи»; жизнь для него — некая целостность и многоликость одновременно. Поэзия — тоже. Но в этом многообразии и многоликости можно выделить некоторые доминирующие черты поэтического мышления.

Художественный мир Скалы лишен статики. В восприятии поэта все несет на себе печать жизни во времени. Даже зрелище морского прибоя вызывает у него мысль о том, что вместе с песком и камнями море выносит из глубин «свою историю».

Уже в заглавии книги возникает образ дороги, пути. И в данном случае образ этот ассоциируется скорее с движением во времени, чем в пространстве. В этом урбедает и первое стихотворение сборника «Золотой мост», звучащее как своего рода пролог, поэтическое «введение» ко всей книге. Типичный для чешского пейзажа вид дороги с вековыми липами по сторонам, с мостом через ручей или речку, над которым сомкнулись огромные кроны, превращается в стихотворении и в образ страны, и в образ «золотого моста», звучащее как проходит путь поэта и путь его родины из прошлого в будущее. Автор заставляет читателя почувствовать, как струится не только воздух, наполненный теплым ароматом цветущих лип и гудением пчел, но и само безостановочное время, как дни «льются по виноградным лозам к сбору урожая».

Но в эту золотистую гамму, в картины плодоносного лета, труда людей, «тысячами рук» преобразующих землю, над которой «пенится солнце», врываются и тревожные ноты, воспоминания о многотрудной истории народа в прошлом, о многовековой борьбе за свободу.

Почти во всех стихах Скалы присутствует ретроспектива. Свежие впечатления сливаются с опытом всей жизни. Частное соотносится с целым. Сегодняшний день сопрягается с большими и малыми событиями предшествующей истории — сопрягается по принципу родства, сходства или же резкого контраста. За стихотворением «Золотой

мост» следует совершенно иной по тональности раздел «Игры горьких лет», в который вошли стихи о событиях 1968 года, когда «лжепророки» и «профессиональные дезертиры» пытались «ядом» и «медом» своей пропаганды отравить веру в социализм и повернуть страну вспять. Ответом на этот «волчий вой», ответом тем, кто «подкладывал зажженную солому под порог дома», являются, собственно, не только стихи этого раздела, но и вся книга, утверждающая незыблемость социалистических устоев, сознательной жизни нового общества.

И Скала ощущает бытие своей страны в контексте исторических процессов как их составную часть. Он как бы переходит от одной веки к другой, окидывая взглядом и свой собственный жизненный путь, и путь своего народа, особенно за последние тридцать — сорок лет, с того момента, когда немецкие фашисты, поработив страну, угнали в Германию чешскую молодежь. И сам автор разделил тогда судьбу тех, кого отправляли с пометкой в сопроводительных списках — «возвращение нежелательно». Лишь побег, удавшийся впоследствии, спас ему жизнь. В памяти встают мрачные годы войны:

До сих пор у меня на письменном столе,
рядом с Гомером и Эсхилом,
лежит заржавленный осколок гранаты,
который врезался в землю
рядом с моей головой,
до сих пор я ношу в сердце
острые осколки войны,
которые напоминают о себе
в дурную политическую погоду,
как осколки в теле инвалида.
До сих пор меня грубо будят
ночные тревоги сердца,
когда я мечусь по горящим
улицам воспоминаний.

...Я вижу, как женщина
с воспаленными, сухими глазами
по имени Елена Кошова
склоняется над телом
своего поседевшего
семнадцатилетнего сына!
(«Память»)

Не случайно осколок гранаты упоминается здесь рядом с именами Гомера и Эсхила, олицетворяющими гуманизм и бессмертие человеческой культуры. В поэтическом сборнике Скалы немало и других реминисценций, связанных с величайшими достижениями человеческого гения, с творениями Шекспира, Гёте, Бетховена, Гоголя, Уитмена, чешских поэтов и художников. Социализм для Скалы неразрывно связан со всем гуманистическим наследием человечества, наследием, которое спасли советские войны, бросившие на Красной площади в День Победы тевтонские знамена «под ноги булуцности».

Одно из самых проникновенных в сборнике — стихотворение «Дукла», о советских и чехословацких бойцах, сражавшихся на Дукельском перевале и освободивших первый кусочек чехословацкой земли. Многие из них пали здесь смертью храбрых. Печальные и мужественные строки звучат как

¹ Переводы стихов принадлежат автору статьи.

¹ Рецензия на эту книгу была опубликована в «Иностранной литературе» № 12, 1974.

² Этот роман был опубликован в «Иностранной литературе» № 10, 11, 1972.

клятва верности их подвигу. Стихотворения сборника запечатлевают день освобождения Праги Советской Армией, победу чехословацких трудящихся в феврале 1948 года и другие исторические события, определившие новый, социалистический путь страны. Автор утверждает глубокую жизненность и плодотворность этого пути, на который вступают все новые и новые народы мира, за который идет борьба против сил реакции и войны. Духом социалистического интернационализма проникнуты стихи, посвященные Чили, Вьетнаму и революционной Кубе.

Лирика Скалы овеяна духом извечного стремления и дерзновенного порыва человека вперед и ввысь:

Это, может быть, больше, чем мечта и сон,
Это, может быть, больше, чем слова

и слава,
Жажда высоты вновь и вновь, как стон,
Разрывает сердце Дедала.

(«Заботы»)

Будущее заключено в сегодняшнем дне, как сегодняшняя действительность выросла из того, что было в прошлом, из усилий, зачастую неброских и негромких. Чешский поэт умеет передать не только напряжение и красоту героического подвига, но и непатетическую красоту будней, передать поэзию повседневного труда и человеческих отношений. Пожалуй, именно мысль о труде как гуманизирующей силе и источнике моральных ценностей, сквозящая во многих стихотворениях, придает книге особую нравственную атмосферу.

Миссия поэзии в понимании Скалы — «добывание мудрости» и вместе с тем воспитание человека красотой, почерпнутой в глубинах жизни («Добывание», «Гейзер», «Болезнь»).

Двустипшие — это две рифмы,
и контур мечты между ними, —

читаем в стихотворении «Лето в Гагре». «Мечта», «надежда» неизменно присутствуют в стихах Скалы о назначении поэзии. Один из прежних поэтических сборников автора, удостоенный в 1959 году премии К. Готвальда, так и назывался — «Утренний поезд надежды». Но в сущности «мечта» в лирике Скалы — это реальная устремленность в реальное завтра, вера в созидательные, творческие силы общества и человека, в идеал гармонической и деятельной личности, которая тоже формируется сегодня, в том числе и средствами поэзии.

Живем мечтами, надеждой?
Уверенностью — не мечтами!
На левой стороне, где сердце,
Маяк, алое пламя.

(«Уверенность»)

Поэзией уверенности можно назвать и лирику самого Скалы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАН ФЕРДИНАНДО КАМОНА

Ferdinando Camon. Occidente. Milano,
Aldo Garzanti Editore, 1975.

В последнее время в итальянской литературе наблюдается весьма симптоматичное явление: политика все чаще начинает составлять главное содержание художественного произведения. Борьба идей, противостоящих друг другу идеологий, восхваление или развенчание тех или иных политических группировок и их лидеров вытесняют традиционные сюжеты и привычные литературные образы. Появились самые разные виды политического романа: «фантаполитический», рассматривающий реальную действительность сквозь призму вымышленных обстоятельств, сатирический памфлет, обличающий противоречия современного капиталистического общества, документальный роман, освещающий определенные политические события.

При чтении романа Фердинандо Камона «Запад» трудно отделаться от впечатления, что это не документальный очерк или репортаж о деятельности фашистских последышей в Италии. Впрочем, сам автор пишет в послесловии, что «его роман — не плод фантазии, а отражение реальности — и в том, что касается идей, и в том, что касается фактов». В самом деле, отвлекемся на минуту от книги и заглянем в газетную хронику Италии.

1969 год. В Сельскохозяйственном банке Милана взрывается бомба. В результате 16 человек убиты и свыше 80 ранены. Следствие показало, что вина за это преступление, в котором вначале пытались обвинить крайние левые организации и анархистов, лежит на членах неонацистской партии «Итальянское социальное движение — Национальные правые силы».

Май 1974 года. В итальянском городе Брешия в результате взрыва бомбы, подложенной неонацистами, 8 человек были убиты и 94 ранены. Еще не стихло возмущение, вызванное кровавым преступлением реакции, как взрывается бомба, подложенная в вагон пассажирского экспресса «Италикус», следовавшего из Рима в Мюнхен. По чистой случайности взрыв произошел не в туннеле, как планировали его организаторы, а при въезде из него. По этой причине число створевших в возникшем пожаре составило лишь двенадцать человек.

На протяжении многих лет правые экстремисты избивают прогрессивно настроенных студентов, подбрасывают зажигательные бомбы в помещения левых организаций. Полиция то и дело обнаруживает тайные склады оружия и снаряжения, секретные лагеря и полигоны, где проходят обучение новобранцы. Попасть в тюрьму или предстать перед судом — позор для черноруба-